

ИНГВИ АКИСОН

Загадка датского сказочника

Ингви Акисон

Загадка датского сказочника

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70247341
SelfPub; 2024*

Аннотация

Какую древнюю тайну Андерсен зашифровал в своих сказках? Что скрывает известная всем с детства Русалочка? Такими вопросами задается полиция Копенгагена, столкнувшаяся с загадочным убийством датского профессора. Тем временем из Нью-Йорка в Копенгаген на конференцию, посвященную знаменитому сказочнику, прилетает аспирант Майкл Купер. Профессор перед смертью успел отправить американцу странное видео. Любопытство ученого берет верх, и Купер начинает собственное расследование. Но так ли хорошо он знает Андерсена и древнескандинавскую мифологию, как был уверен до сих пор? И что если профессор – лишь первая из жертв?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	41
Глава 4	49
Глава 5	57
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ингви Акисон

Загадка датского сказочника

Глава 1

Профессор Якоб Нильсен из Копенгагенского Университета, несмотря на почтенные семьдесят два года, не боялся забираться на высокие стремянки.

Вот и этим ранним вечером в конце марта, когда известнейший специалист по истории литературы полез за парой книг на верхней полке, ничто не предвещало ужасного.

Магазин антикварных книг, расположенный в самом сердце Старого Копенгагена, на улице Фиолстред, закрывался менее, чем через час. Об этом напоминали старинные часы на стене, которые показывали десять минут шестого. Задрав голову, профессор Нильсен прищурился, после чего улыбнулся как довольный ребенок. Ошибки быть не могло. Под самым потолком виднелись потрескавшиеся коричневые корешки с золотистой надписью: «ИЛИ–ИЛИ». Старик узнал первое издание знаменитого трактата Киркегора, вышедшего двухтомником в 1843 году.

Уже пора в аэропорт, подумал он. *Ладно, успею.* Он по-

додвинул легкую алюминиевую стремянку к нужному стеллажу – и начал восхождение.

Последнее в своей жизни.

Для человека семидесяти двух лет господин Нильсен пребывал в отличной форме. Он примчал к антикварному магазину на велосипеде, а рюкзак, который висел у него за спиной в дороге, валялся сейчас на подоконнике. Этим прохладным мартовским вечером на нем была утепленная толстовка с капюшоном, потертые джинсы и белые кроссовки. Телосложение старика было таково, что когда на улице он прикрывал свой ёжик из седых волос капюшоном, то со спины (если не видеть аккуратной седой бороды и очков с толстыми стеклами) профессора принимали за подростка. Якоб Нильсен был частым гостем популярных в Дании телепередач на тему искусства. И уже не одно поколение зрителей поражалось неиссякаемому, какому-то детскому энтузиазму профессора.

Вскарабкавшись по стремянке до потолка, он взял в руки первый том «Или–или» великого философа. Пальцы сами собой нашли любимую цитату: *«Суть дела не в том, чтобы обольстить девушку, а в том, чтобы найти такую, которую стоит обольщать».*

Старик, проживший долгую и насыщенную жизнь, задумался о чем-то о своем.

Внезапно книга вылетела у него из рук.

Словно со стороны – будто всё происходит с кем-то другим – профессор наблюдал, как его пальцы лихорадочно пы-

таются ухватиться за полки. Тело почему-то парило в невесомости, ноги не чувствовали никакой опоры. Полки с книгами стремительно проносились перед глазами, уходя всё вверх и вверх. Но дотянуться до них он не мог.

Всё произошло так быстро, что Якоб Нильсен не успел ничего понять.

Удар головы о пол погрузил мир вокруг во тьму.

* * *

Несколькими часами ранее Майкл Купер едва не опоздал на рейс.

Он с покрасневшимся лицом прошагал по салону до своего ряда, поставил кожаный портфель на свободное сидение, после чего снял пальто, аккуратно свернул его и положил на полку для ручной клади над головой. Самолет, принадлежащий авиакомпании TAP Air Portugal, был заполнен пассажирами примерно на половину. Купер занял свое место у окна в левом ряду. Оба места рядом с ним пустовали. До окончания посадки оставалось всего пять минут.

Неужели мне повезло лететь одному?

Ночной перелет через Атлантику был сущей пыткой. Все семь часов, пока эйрбас летел из Нью-Йорка в Лиссабон, чьи-то гиперактивные дети, сидевшие рядом с ним, не давали никакого покоя. И за те три часа в аэропорту, в которые длилось ожидание рейса Лиссабон-Копенгаген, Купер

решил подремать. Даже несмотря на неудобный стул, он провалился в сон так глубоко, что не услышал будильник, который был заведен на телефоне. Каким-то чудом он всё-таки не опоздал на самолет.

Молодой человек, наконец, отдышался. Он поправил руками волосы, которые еще с вечера, перед отъездом из дома в аэропорт Нью-Йорка, были уложены сухим воском. Затем поднес к лицу черный экран айфона, повертел головой из стороны в сторону и, кажется, остался доволен увиденным.

Лицо Купера выглядело аристократическим. Тонкий прямой нос, высокий лоб, волевой подбородок. Волосы были светлые, а глаза серого цвета. Трехдневная щетина, которой он каждое утро добивался специальной насадкой на электробритву, добавляла образу мужественности.

Пристегнув ремень безопасности, Купер уже собрался было поставить телефон на авиарежим. Но тут всплыло новое сообщение в Телеграме.

Профессор Якоб Нильсен прислал видео, на котором широко улыбался он сам.

– Привет, Микаэль! – зазвучал в наушниках голос старика. – Ты не поверишь, что я сейчас обнаружил!

Как и всегда, профессор разговаривал с американским аспирантом – и близким другом – на датском языке. Купер к своим двадцати четырем годам овладел этим нечленораздельным наречием викингов до такой степени, что мог без труда понять даже окончательно упившуюся в каком-нибудь

из пабов Нью-Йорка группу туристов из Дании. И Купера не переставало забавлять, что профессор упорно произносит его имя как «Микаэль», на манер датчан. Вот и сейчас в наушниках прозвучало до боли знакомое «хай, Микаэль».

На экране айфона Майкл Купер заметил, что за спиной у худенького профессора стеллажи со старинными книгами. *Он в библиотеке или антикварном магазине?*

– Вот, ты только взгляни на это! – взволнованно продолжал старик. – Не мог дожидаться твоего прибытия. Ты просто должен взглянуть немедленно. Не знаю, успеешь ли получить видео до того, как в самолете придется отключать телефон.

Теперь Купер видел на экране пожелтевший титульный лист «Стихов» Адама Эленшлегера. Судя по цифре 1803, напечатанной внизу, это было второе издание знаменитого сборника 1802 года. *И что? Вот если бы редчайшее первое издание.* Однако внимание Купера тут же поглотила надпись, которая была выполнена от руки на чистом листе, расположенном слева от титульного. Этот нервный почерк он встречал раньше уже много-много раз. *Автограф Андерсена.*

– Да-да, его рука, – предвидел мысли Купера профессор. – Сомнений быть не может. Но ты только посмотри, что Андерсен тут пишет! Какая-то странная загадка. И прямо по теме твоей диссертации! Всё, до скорого, Микаэль. Жду в аэропорту у выхода, как договаривались.

Видео закончилось.

Что это? Розыгрыш?

Улыбнувшись такому объяснению, Купер всё же перемотал запись и поставил ее на паузу, чтобы повнимательней прочитать текст автографа:

Из Одрёрира пил я.

Сорок лет убежали с тех пор!

Но был он вскоре упрятан.

У церкви жил некто – там Мастера творенья.

И спрятал он Чашу у замка, где тот оберег от дьявола создал.

От южного угла в ста шагах.

Десять лет убежали сперва...

Найди одного, двух и двух, четверых, одного, первых двух,

Восьмерых – из которых Русалочка всех прекрасней!

Х.К.А.

1875

Купер снова улыбнулся.

Ему вспомнилось, как много лет назад он, школьник старших классов, непонятно зачем – просто за компанию с приятелем – забрел в какой-то зал конференций Нью-Йорка на бесплатную лекцию знаменитого датского профессора Нильсена, посвященную открытию викингами Америки. Ученый совершенно заворожил Купера рассказами о том, как на канадском острове Ньюфаундленд, оказывается, еще пятьде-

сят лет назад археологи раскопали поселение викингов. Но по-настоящему неизгладимое впечатление на подростка произвели рассказы профессора про древнескандинавские саги, в которых описываются те события: про «Сагу об Эрике Рыжем» и «Сагу о гренландцах».

– А вы слышали, – спросил профессор аудиторию, – что викинги не уgomонились, основав поселение в Северной Америке, на территории нынешней Канады? Да, саги об этом умалчивают. Но согласно новейшим научным данным некоторые из тех скандинавов на своих кораблях совершили путешествие вдоль восточного побережья далеко-далеко на юг. Они добрались до Южной Америки! Там их следы теряются. Ваш город – Нью-Йорк – находится как раз на восточном побережье США. Это означает, что во время той долгой и опасной экспедиции они останавливались и в ваших краях, так как им надо было пополнять запасы провизии. Кстати, никто из вас не заметил, что в саду вон там, – профессор подошел к окну и показал пальцем, – раньше всегда лежал огромный камень? Его увезли археологи буквально месяц назад.

Многие в зале повскакивали со своих мест, чтобы поскорее оказаться у окон.

– Когда камень подняли, – продолжал Нильсен, – во время работ по благоустройству территории, то обнаружили, что на его нижней стороне вырезаны древние скандинавские руны.

В зале повисла звенящая тишина.

Профессор выдержал паузу.

И вдруг как расхохочется.

– Шучу, шучу, – сказал он, вытирая платком покотившиеся по щекам слезы. – Нет, не обнаружили. И не было там никакого камня. Но вы бы видели свои лица!

Купер с приятелем переглянулись.

Нильсен сделал вдох и выдох, после чего уже спокойным голосом продолжал:

– Однако научная гипотеза про экспедицию викингов на юг вдоль восточного побережья и в самом деле существует. И кто знает, может быть, кто-то из вас, молодежи в этом зале, – профессор взглянул на Купера с его приятелем, – решит посвятить свою жизнь изучению скандинавских древностей? И так получится, что именно вам повезет обнаружить доказательства этой любопытной гипотезы?

...Купер смотрел в иллюминатор самолета и продолжал улыбаться, вспоминая тот день.

Да, профессор – тот еще любитель розыгрышей.

Он достал из портфеля твердую черную папку и авторучку. Из папки были извлечены листы, скрепленные степлером, на первом из которых в самом верху красовались крупные слова: «МАЙКЛ КУПЕР». И ниже: «ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКАЯ МИФОЛОГИЯ В СКАЗКАХ Х.К.АНДЕРСЕНА». Под названием доклада, уже не такими большими буквами, было напечатано название научной конференции, которая должна была вскоре состояться в стенах Копенгагенского Университета. В самом низу были даты. Выступить

перед коллегами ему предстояло в первый из трех дней: уже послезавтра.

Купер отыскал абзац, который до сих пор не до конца устраивал его. И принялся вносить в текст исправления, однако постепенно мысли сами собой вернулись к странному видео от профессора.

«Из Одрёрира пил я». Никогда еще Купер не видел, чтобы Андерсен упоминал этот мифологический артефакт. Чашу, в которой у богов хранился Мёд поэзии.

Листы, лежащие сейчас на коленях у Купера, содержали множество других примеров, как великий сказочник заимствовал образы и сюжеты из мифологии викингов. Чего стоит только Снежная Королева – видоизмененная Скади, жестокая и красивая богиня льда и холода! Однако на Чашу до сих пор не встречалось даже отдаленных отсылок.

«Сорок лет убежали с тех пор ... 1875». Эту дату Купер запомнил без труда. Год смерти сказочника. Андерсен якобы утверждает, что сорока годами ранее – то есть в 1835 году – он выпил Мёд поэзии? Согласно древним мифам, любой смертный, отведавший напиток из Одрёрира, мгновенно превращался в гениального сочинителя. И становился отчасти подобен богам.

Купер, как никто другой, прекрасно знал, что весной 1835 года мало кому известный Ханс Кристиан Андерсен опубликовал первый сборник сказок, который моментально сделал его мировой знаменитостью. Ему было уже тридцать лет. И

больше половины жизни, с тех пор как он четырнадцатилетним подростком приехал из далекого провинциального городка в Копенгаген в поисках славы и богатства, — все эти годы Андерсен безуспешно пробовал себя как писатель в самых разных жанрах. Были даже сочинены две сказки. Лишенные какой-либо художественной ценности, в чем едины все литературоведы.

Да, если и не полный бездарь, то просто в меру талантливый Андерсен непонятным для всех образом в одночасье стал гениальным сказочником. Это исторический факт.

Какой, однако, хитроумный розыгрыш!

— Извините, — сказала подошедшая стюардесса. — На время взлета нужно убрать ручную кладь под сидение спереди.

Купер мысленно выругался, но послушно всё выполнил.

Возвращаться после взлета к правке неудачного абзаца он, однако, не стал. Зачем продолжать ходить по кругу, если можно будет прочитать его Нильсену и просто попросить совета? До начала конференции оставался целый завтрашний день. Профессор настоял на том, чтобы Купер не резервировал себе гостиницу, а остановился в гостевой комнате его дома на севере от Копенгагена, откуда открывался живописный вид на пролив Эресунн со Швецией на другом берегу. В дорогом коттедже он проживал вдвоем со своей третьей женой, лет на двадцать моложе его. В обмен Нильсен запросил две бутылки нью-йоркского бурбона Widow Jane десятилетней выдержки — и сейчас они летели в чемодане Купера в

грузовом отсеке, заставляя его немного переживать по этому поводу. Но таковы были требования безопасности к содержимому ручной клади.

Все четыре часа полета Купер спокойно продолжал чтение «Братьев Карамазовых». В дорогу было прихвачено издание Penguin Classics на английском, в мягкой обложке. Никто не отвлекал, не орал под ухом и не пинался сзади. Через несколько страниц после сцены, где Иван ведет увлекательный спор со своей галлюцинацией, самолет благополучно приземлился в копенгагенском аэропорту «Каструп».

К великому облегчению Купера, при получении багажа оказалось, что перелет через половину Европы – равно как и первый перелет через Атлантику – бутылки с дорогостоящим бурбоном перенесли без происшествий. Он упрятал их обратно в кожаный чемодан на колесиках и, довольный, направился к выходу из аэропорта.

Они договаривались с профессором, что тот будет ждать в кафе «Старбакс», удобно расположенном прямо внутри здания аэропорта, всего в нескольких шагах от места, где вечно суетятся встречающие. Затем Нильсен вызовет такси, на котором они комфортно доберутся до его дома на живописном побережье.

Однако даже ради такого случая профессор не собирался изменять своей старинной привычке. По утрам, абсолютно в любую погоду, он садился на спортивный велосипед и доезжал до железнодорожной станции «Клампенборг». Это

занимало буквально две-три минуты. Затем он вместе с велосипедом забирался в пригородную электричку – и спустя двадцать минут уже был в центре Копенгагена. Направляясь с одной встречи на другую, он гонял по городу с рюкзаком за спиной, время от времени слезая, чтобы любезно попозировать для желающих сфотографироваться с ним горожан. Ведь не каждый день увидишь живьем звезду популярных телепередач! Зарабатывая немалые деньги на своей медийной активности и на книгах, выходящих на десятках языков по всему миру, Нильсен при желании мог обзавестись целым парком автомобилей. Но, по его словам, предпочитал подвижный образ жизни. И вот сегодня – в день прилета Купера – профессор решил, что закажет из аэропорта такси и попросит водителя прикрепить велосипед сзади к машине. Он не превышал допустимых габаритов, а отказать в такой услуге (как Нильсен когда-то хвастался удивленному американцу) не имеют права: каждое такси в Дании оборудовано соответствующими креплениями.

Быть в аэропорту профессору нужно было в 18:00. «Час-пик», во время которого соваться в метро с велосипедом запрещено, официально заканчивался в половине шестого. Получаса было даже более, чем достаточно.

Однако знакомого ёжика из седых волос почему-то не было видно ни в одном из закутков «Старбакса».

Часы на стене показывали 18:12.

Странно, подумал Купер. Он никогда не опаздывает.

Заказав кофе, Купер нашел свободное место, удобно расположился и принялся просматривать новые сообщения в Телеграме.

Нильсен последний раз появлялся в сети около часа назад. Никаких новых сообщений после того странного видео, присланного в 13:53 по здешнему времени, от него не приходило.

Купер написал: *«Сижу в Старбаксе»*.

Накопилась масса непрочитанных сообщения в группе научной конференции. Купер, поморщившись, принялся быстро пролистывать их. Вся эта суетливая и по большей части бессмысленная переписка коллег в чате донимала его все последние дни. Кто-то из иностранных гостей спрашивал про гостиницы, будто его забанили в Гугле. Еще кто-то всё выпытывал и выпытывал детали насчет питания в столовой. Столько душил и невротиков собрать в одном чате нужно было постараться.

Докрутив ленту до самого низа, Купер автоматически, думая о чем-то о своем, нажал на выход из чата.

И тут «Старбакс» вдруг поплыл у него перед глазами.

Сердце заколотилось так, будто вот-вот выпрыгнет из груди.

Этого не может быть.

Той доли секунды, за которую Купер успел увидеть самое последнее сообщение, было достаточно, чтобы и сейчас оно стояло у него перед глазами.

Кто-то в чате разместил ссылку на новостной портал. Заголовок был лаконичен:

ПРОФЕССОР НИЛЬСЕН УМЕР

Купер дрожащими пальцами снова зашел в группу конференции. Сообщение было размещено буквально пару минут назад и даже не успело получить ни одного комментария. Он прошел по размещенной там ссылке.

Из краткой новостной статьи следовало, что знаменитый историк литературы Якоб Нильсен был обнаружен мертвым в магазине антикварных книг на улице Фиолстреле в Копенгагене. На месте трагедии сейчас работает полиция. Никаких подробностей на данный момент не известно, но читателям обязательно сообщат о них, как только репортеры получат больше информации.

Этого не может быть, снова прозвучало в голове у Купера.

Этого. Не. Может. Быть.

Но пальцы сами собой уже набирали в поисковике адрес указанного магазина.

До него было буквально рукой подать от метро Нёррепорт.

Не раздумывая, он бросился к метро. В аэропорту, в Терминале-3, располагалась конечная станция метрополитена. От нее до Нёррепорта (это Купер хорошо помнил по предыдущим поездкам) шла прямая «желтая ветка».

Словно в тумане был приобретен билет. Всё в том же тумане Купер смотрел, как за окнами вагона одна станция сменяется другой. Он бывал в Копенгагене уже дважды — и, наверно, лишь по этой причине его тело ориентировалось сейчас в пространстве, будто само принимает верные решения. Спустя пятнадцать минут, выйдя на станции Нёррепорт, он поднялся по эскалаторам в город и пересек пешеходную площадь, приблизившись к началу нужной улицы.

И вдруг...

Мощный удар в спину.

Купер потерял равновесие и растянулся на брусчатке как подкошенное дерево.

Кожаный портфель на ремне слетел с плеча и шмякнулся о булыжники. Чемодан на колесиках опрокинулся вслед за своим хозяином.

Боль от удара коленом о мостовую...

Запах грязных булыжников в ноздрях...

И что-то придавливает ничего не успевшего понять Купера сверху.

Или кто-то?

...Навалился на Купера и не даёт ему вздохнуть.

Глава 2

За стеклами гигантских окон лица посетителей, заметно вытянувшиеся, прекратили жевать бутерброды. Первый этаж углового здания по правую руку был выкрашен в темно-синий цвет, и в глаза бросалась огромная вывеска: COFFEE INDUSTRY.

Из двери кофейни выскочили две перепуганные пенсионерки.

– С вами всё в порядке? – спросила одна из них.

Купер тем временем уже встал и отряхивал пальто и брюки.

Если бы не кожаные перчатки, его ладони были бы сейчас разодраны в кровь. А так они, к счастью, совершенно не пострадали. Чего нельзя было сказать о перчатках.

– Он побежал вон туда, – сказала вторая, даже не выслушав ответ.

Ее трясущийся палец указывал куда-то на противоположный конец площади. Никакой бегущей фигуры, однако, видно не было.

– Кто побежал?

– Хулиган, который сшиб вас с ног. Он толкнул сзади. А когда вы упали, навалился. Но тут подбежал прохожий и что-то ему крикнул. И тот бросился наутек.

– Прохожий?

– Странно, – первая пенсионерка удивленно оглядывалась по сторонам, – того мужчины уже нет здесь. Хм. Вообще-то мог бы остаться и помочь вам встать.

– Да уж, – согласилась с ней вторая.

– Обязательно проверьте карманы, молодой человек! Хулиган наверняка вытащил кошелек. Увидел, что вы дорого одеты, с элегантным кожаным портфелем и чемоданом, вот и решил обокрасть.

Купер проверил: кошелек и айфон были на месте.

– Нет, – сказал он, – не успел, к счастью. Огромное спасибо вам за помощь.

Поезду. Если бы не прохожий...

Накинув лямку на плечо, он заковылял вглубь улицы Фиолстреле, а следом послушно катился чемодан на колесиках.

Узкая пешеходная улочка находилась в самом центре «средневекового города» – так в Копенгагене называют эту древнейшую его часть. Справа и слева от Купера возвышались разноцветные четырехэтажные дома, имеющие общие боковые стены и буквально перетекающие один в другой. Однако, в отличие от красных, кислотно-желтых и других ярких домиков, которые часто можно увидеть на фотографиях города (они стоят в районе «Нюхавн», вдоль канала с яхтами), здешние дома были в бледных пастельных тонах. И лишь у самого первого дома, где располагалось Coffee Industry, нижний этаж был выкрашен в темно-синий цвет.

Впрочем, то кафе с сердобольными бабушками уже давно

осталось за спиной у Купера. А сейчас перед ним открывалось следующее зрелище.

У одной из витрин слева была припаркована полицейская легковушка. Далее стояла «Скорая». Между ними виднелся вход в магазин, перед которым протянулась белая лента с косыми красными полосами, грозным знаком «СТОП» и не менее грозной надписью: «ПОЛИЦИЯ». Двое в форме дежурили у входа. Толпа зевак заполнила собой улицу и словно уже давно чего-то ожидала.

Дверь магазина распахнулась.

Полицейские обернулись и приподняли ленту. Врачи «Скорой», нагибая головы, вывезли на тележке черный пакет в человеческий рост. После чего открыли дверцы своего фургона, который поджидал припаркованный как раз задом ко входу, и поместили тело внутрь. Разом защелкали все фотоаппараты репортеров, уже слетевшихся сюда подобно стервятникам. Однако представители СМИ были вежливо оттеснены полицейскими, чтобы врачи смогли спокойно закрыть дверцы и увезти мертвого профессора в морг.

Купер только сейчас заметил, что из книжного магазина следом за медиками вышел мужчина средних лет, в жилетке и темном галстуке. Он стоял у входа и курил сигарету. На ремне классических черных брюк был закреплен полицейский жетон.

По усталым глазам было понятно, что у него выдался тяжелый день. А может быть, и целая неделя.

Купер всё же решился подойти.

– Он был такой... такой здоровый и бодрый, – сказал он, провожая взглядом удаляющуюся «Скорую». – Всего несколько часов назад.

Мужчина в жилетке молча осмотрел молодого человека с ног до головы. Тот говорил на датском с каким-то странным акцентом, при этом держал возле себя туристический чемодан на колесиках. От опытного взгляда вряд ли скрылось, что одет юноша как самый настоящий модник, однако колени дорогих брюк выглядят так, будто он решил поиграть в них в футбол на асфальте и при этом был вратарем.

– ...Меня зовут Майкл Купер.

Мужчина с жетоном поёжился от холода.

На улице было не больше шести градусов, а он вышел покурить без куртки.

Сделав шаг навстречу Куперу, он протянул ему руку:

– Йенс Линдеберг, следовательно.

Купер снял перчатку и пожал следователю руку.

Линдеберг был сантиметров на пять ниже. С таким ростом, вряд ли больше ста семидесяти восьми, для датчанина он выглядел невысоким. При этом мужчина то ли обладал коренастым телосложением, то ли очень много времени качался в спортзале. Учитывая его пристрастие к курению, скорее, всё-таки первое.

Подумав, следовательно спросил:

– Вы с Фарерских островов?

– Э-э-э, нет. Я из Нью-Йорка. Прилетел на конференцию. Вот, буквально только что.

– А вы отлично говорите по-датски. Я был уверен, что фарерс.

– Спасибо. – Купер был польщен.

– Так вы сказали, что профессор Нильсен выглядел абсолютно здоровым сегодня днем?

Следователь на секунду повернул голову в сторону, чтобы клуб дыма, вышедший у него изо рта, не попал в лицо собеседнику.

– Да, он отправил мне видео, записал себя на телефон. Около двух по здешнему времени. А как... почему он умер? Линдеберг о чем-то задумался.

Поёжившись еще раз, он ответил:

– Знаете, что? Давайте зайдём внутрь и поговорим там. Прошу вас, – он любезно приподнял белую ленту с красными полосами и грозными надписями.

Купер вошел, всё еще прихрамывая и волоча за собой чемодан. Линдеберг красивым щелчком пальцев отправил окурок в узкую урну у входа и зашел следом.

На Купера обрушился запах старины. Он остановился посреди зала как вкопанный. Со всех сторон на него смотрели тысячи и тысячи старинных книг! Казалось, что какой-то джин из бутылки только что перенес его из 21 века в век 19-й, если не раньше. Зрелище и запах абсолютно завораживали. Не только книги, но и вся мебель тут была антикварной!

Высокие и массивные книжные стеллажи, столики с кипами пыльных книг и журналов, кресла с резными ножками и даже бархатный диванчик.

За столом возле кассы сидела девушка в вязаном свитере и джинсах. Закрыв лицо руками, она дрожала всем телом. Рядом стояла другая девушка, в строгом костюме, и гладила ее по спине. Джинсы продавщицы совершенно не гармонировали с общей атмосферой. Купер даже поморщился.

Голос Линдеберга у него за спиной спросил:

– Мы займем ненадолго служебное помещение, хорошо?

Продавщица отреагировала не сразу.

Но, наконец, увидела вошедших.

– Да... да, конечно, – всхлипнула она. – Ой! И кота впустите, пожалуйста!

Перед дверью с табличкой «ДЛЯ ПЕРСОНАЛА» сидел необычайно толстый черный кот. Судя по выражению морды, возмущению усатого «персонала» не было предела. Он прождал там явно дольше обычного.

Линдеберг открыл дверь, и отъевшийся кот проследовал внутрь, с трудом переваливаясь с лапы на лапу.

– Там рядом с продавщицей, – тихо пояснил Куперу следователь, – моя практикантка. Успокаивает. Врачи «Скорой» вообще-то уже давно выдали ей успокоительное. Но что-то не заметно, чтобы оно хоть как-то подействовало.

Купер снял с себя пальто, собираясь уже было повесить его на плечики во встроенном гардеробе.

Что за...?

На шерстяном воротнике сзади он увидел светлое пятно. Жидкость, похоже, успела глубоко впитаться в ткань.

Его еще и вырвало на меня?!

Купер принялся. Но запаха не было.

Я бы почувствовал раньше.

Следователь заметил, что американец с раздосадованным видом обследует воротник своего двубортного пальто «бушлат».

– Что-то не так?

Линдеберг подошел поближе.

– Меня какой-то наркоман повалил на мостовую, в начале этой улицы. – Купер показал на испачканные колени. – И сразу убежал, ничего не успел вытащить. Но загадил, вот, чем-то воротник.

Следователь удивленно поднял брови.

– Ну, хорошо, что не украл ничего. У нас тут, как и у вас в Штатах, неадекватов хватает. А сейчас еще и весна, – добавил он, – сезонное обострение. Но присаживайтесь, прошу вас.

Оба уселись на мягкие стулья.

Как и всё в этом служебном помещении, стулья были современным. Комната очень резко контрастировала с той магической атмосферой старины, которая осталась за дверью. На стене висели унылые часы из белого пластика. Их стрелки показывали 18:55.

Следователь извлек из внутреннего кармана жилетки блокнот и шариковую ручку. Он перелистывал страницы, бегло просматривая уже сделанные там заметки. Купер тем временем разглядывал его лицо.

Первым делом в глаза бросался крупный нос. Уши чуть топырились в стороны, из-за чего Линдеберг напоминал школьника-проказника. Голубые глаза бегали сейчас по записям в блокноте, но когда он неподвижно смотрел ими на собеседника – действовали гипнотически. Купер уже успел испытать это на себе. Блондинистые волосы были расчесаны на пробор слева.

Ему точно за тридцать, решил Купер. Но меньше сорока.

Вторым подбородком следователь еще не обзавелся. Он гладко брился, да и в целом производил впечатление весьма следящего за собой человека.

– Как давно вы знали профессора? – спросил он.

– Мы подружились, э-э-э... пять лет назад. Да, я тогда впервые приехал в Данию на летние языковые курсы. В университете Нью-Йорка я еще только второй год изучал датский язык и литературу, но уже понимал, что хочу писать научные работы о ваших древних богах и мифах, связанных с ними. – Купер понял, что увлекся. – Короче, я разыскал тогда профессора Нильсена на его кафедре в Копенгагенском Университете, чтобы задать несколько вопросов, на которые нигде не находил ответа. Он сумел сходу ответить на половину из них! А про вторую половину сказал, что ему нико-

гда бы не пришло в голову задаваться такими вопросами. – Купер грустно улыбнулся. – Но они всерьез заинтересовали его. И мы стали много переписываться с тех пор. Я был потом в Дании еще один раз, гостил у него. И сейчас мы договаривались, что он встретит в аэропорту и я буду опять жить в его доме.

– Так вы прекрасно знали Нильсена! – Линдеберг заметно оживился. – Скажите, кто-то, на ваш взгляд, мог желать ему смерти?

Купер онемел от удивления.

Он решил, что плохо понял по-датски.

– Что вы сказали?

– Мог ли, на ваш взгляд, кто-то желать, чтобы профессор Нильсен умер?

– Так он... его убили?!

Линдеберг уже собирался было произнести стандартную в таких случаях фразу: «Позвольте мне задавать вам вопросы», но вдруг передумал.

Он помедлил, внутренне колеблясь. И, наконец, спросил:

– Можно взглянуть на ваши билеты и паспорт?

Купер, мало что понимая, достал из портфеля все необходимые документы.

Хочет убедиться, что у меня алиби?

Следователь придирчиво разглядывал время, указанное на документах, сверяясь с записями в своем блокноте. Затем, удовлетворенный, вернул всё Куперу.

– Видите ли, Нильсен был обнаружен посетителями магазина лежащим мертвым на полу с разбитой головой. Рядом валялась стремянка и книга. Эта книга, по показаниям продавщицы, стояла на верхней полке. Однако никто не видел самого момента падения, а видеонаблюдение в магазине сегодня по неустановленным причинам не работало. – Линдеберг выдержал многозначительную паузу. – Да, скорее всего, несчастный случай. Неработающие камеры – совпадение. Однако нельзя исключить, что ему помогли упасть с высокой лестницы. Поэтому спрошу еще раз. Кто-то мог желать Нильсену смерти, на ваш взгляд?

Купер даже не задумался над ответом:

– Нет, просто нелепость какая-то.

Оба помолчали, думая о чем-то о своем. Линдеберг полистал блокнот, а затем поворачивал головой в разные стороны, разминая шею.

И вдруг Купера осенило.

Выходит, это был не розыгрыш?

Перевозбужденный от обнаружения загадки Андерсена в том сборнике стихов Адама Эленшлегера, он весь на эмоциях, не выпуская находку из рук, снова полез наверх, чтобы обследовать и соседние книги тоже, – и потерял равновесие.

– Возможно, – произнес Купер, – всё дело в книге Эленшлегера, которую вы видели валяющейся рядом с телом.

– Эленшлегера? – не понял Линдеберг.

– Ну, это поэт начала 19 века, большой любитель скан-

динавских древностей, он еще написал слова для датского национального гимна. Между прочим, – снова увлекся Купер, – у вас из-за него единственный в Европе гимн, где не только не упоминается христианский Бог, но присутствует языческое божество: древнескандинавская Фрея!

– Да знаю я, кто такой Эленшлегер, – закатил глаза следователь. – Я хоть докторских диссертаций и не защищал, но в школу всё-таки ходил. При чем тут Эленшлегер? Рядом с телом валялся томик Киркегора.

Красивая гипотеза с треском провалилась.

Но показать всё же стоит.

– Вот, взгляните. – Купер зашел в Телеграме в чат с профессором. Затем встал со стула и подошел к Линдебергу. – Нильсен записал для меня видео из этого магазина. Кажется, я уже говорил вам.

Следователь перевел взгляд на айфон.

Но прежде, чем Купер успел запустить видео, вскрикнул:

– Подождите-подождите, постойте! – Он даже вскочил со стула. – В чате указано: «*был в 17:19*». – Линдеберг снова принялся листать блокнот. – Тело обнаружили в 17:15. Телефона не оказалось ни в карманах, ни в рюкзаке профессора. Я подумал, что Нильсен мог забыть его где-то, когда выходил перекусить. Он работал здесь с утра – поэтому выходил и возвращался. Продавщица подтвердила это. А вы пробовали звонить на его номер после прилета?

– Нет. Написал только вот это сообщение в чате: «*Сию*

в Старбаксе».

– Ясно. Позвольте, я позвоню?

– Да, конечно. – Купер протянул следователю айфон, и тот нажал на значок телефона вверху чата.

Никто не брал трубку.

– Вообще-то, – задумался Линдеберг, возвращая телефон, – пожилые люди часто не разбираются в таких сложных технических вещах как блокировка телефона. Не исключено, что кто-то нашел потерянный, незаблокированный телефон и покопался в нем.

– Это вряд ли. Нильсен был очень современным человеком, я совершенно не ощущал разницы в возрасте. Э-э-э, подождите. – Купер будто вспомнил что-то. – Да, точно! У него стояла блокировка на отпечаток пальца! Мой предыдущий смартфон заглянул, как назло, в день рождения. Двое суток не хотел распознавать лицо. Пришлось с ноутбука со всеми общаться как в каменном веке. А Нильсен еще шутил тогда: как можно было настолько опухнуть после отмечания, чтобы родной телефон отказался признавать? И зачем, мол, вообще связываться с такой функцией? Почему не использовать старый-добрый отпечаток пальца?

Линдеберг, нахмурившись, делал пометки в блокноте.

– Тогда еще интересней, – пробормотал он. – Ладно, что там в вашем видео, давайте посмотрим.

И спустя пару мгновений из динамика айфона зазвучал взволнованный голос Нильсена:

«Привет, Микаэль! Ты не поверишь, что я сейчас обнаружил! Вот, ты только взгляни на это! Не мог дожидаться твоего прибытия. Ты просто должен взглянуть немедленно. Не знаю, успеешь ли получить видео до того, как в самолете придется отключать телефон. Да-да, его рука. Сомнений быть не может. Но ты только посмотри, что Андерсен тут пишет! Какая-то странная загадка. И прямо по теме твоей диссертации! Всё, до скорого, Микаэль. Жду в аэропорту у выхода, как договаривались».

Линдеберг стоял с ничего не понимающим видом.

Купер отмотал немного назад и поставил на паузу, чтобы следователь успел прочитать текст:

Из Одрёрира пил я.

Сорок лет убежали с тех пор!

Но был он вскоре упрятан.

У церкви жил некто – там Мастера творенья.

И спрятал он Чашу у замка, где тот оберег от дьявола создал.

От южного угла в ста шагах.

Десять лет убежали сперва...

*Найди одного, двух и двух, четверых, одного, первых двух,
Восьмерых – из которых Русалочка всех прекрасней!*

Х.К.А.

1875

На Линдеберга было жалко смотреть. Если можно было чем-то добить мозг смертельно уставшего человека после уже давно официально закончившегося рабочего дня, то лучше способа сложно было изобрести.

Оба сели на свои стулья.

Линдеберг молча достал сигарету и закурил. Пепельницей послужило забытое кем-то на журнальном столике блюдце с крошками.

Купер вдруг ощутил толчок в правую ногу, чуть повыше ботинка. Он вздрогнул и посмотрел вниз. Толстый черный кот обнюхивал штанину. Видимо, жирдяй что-то не рассчитал, пошатнулся на слабых лапках и заехал носом по ноге.

Расплывшись в улыбке, Купер аккуратно почесал кота за ушами. Дома в Нью-Йорке его сейчас ждали два мейн-куна. Приятель согласился пожить с кошками неделю.

– Хорошо, – сказал наконец следователь. – Нильсен держит в руках книгу Эленшлегера. Это я увидел. И там что-то заумное написал Андерсен. Ладно. Видно также, что профессор прекрасно выглядит и полон энтузиазма. Но, если честно, не вижу здесь больше ничего интересного для следствия.

– А где же книга сейчас? – Купера впервые посетила эта мысль. – Вы не обнаружили ее рядом с телом.

– А почему ее должны были там обнаружить? Видео прислано в 13:53. Нильсен полез наверх за Киркегором и упал вместе с ним незадолго до 17:15. Он мог просто поставить

Эленшлегера на место.

Или всё-таки розыгрыш?

Но тогда бы книгу нашли в рюкзаке. Ведь записав видео с привезенной из дома мистификацией, он положил бы ее обратно в рюкзак.

Про розыгрыш можно забыть.

– Нет, – покачал головой Купер, – обратно бы на полку не поставил. Это очень ценная находка для историка литературы. Уж поверьте!

– Тогда мог отложить на кассе. Если вам это так не дает покоя, давайте пойдем и спросим у продавщицы. Сейчас, докурю только.

Купер кивнул.

На расправу с сигаретой ушла пара минут. Кот за это время переместился к двери, каким-то неведомым образом поняв, что ее вот-вот откроют.

Когда все трое вышли в зал, там всё было без изменений. Девушка в свитере и джинсах, сидящая за столом возле кассового аппарата, до сих пор не могла успокоиться, а практикантка Линдеберга так и стояла рядом. Больше никого в помещении не было.

По всему книжному магазину были расставлены удобные кресла, на которых, судя по всему, вальяжно устраиваются посетители, чтобы полистать понравившуюся старинную книгу и неспешно обдумать, не пополнить ли ей свою домашнюю коллекцию. И Купера поначалу удивило, что де-

вушки не уселись на них. Зачем торчать за рабочим прилавком и, уж тем более, стоять рядом, переминаясь с ноги на ногу? Но потом он сообразил: ведь пока на месте не поработает команда криминалистов – в этих своих белых «скафандрах», как он много раз видел в телесериалах, – до тех пор разгуливать по возможному месту преступления запрещено. Практикантка, очевидно, со всей ответственностью относилась к инструкциям.

Следователь подглядел что-то в своих записях. После чего произнес:

– Ида?

Продавщица, шмыгнув носом, посмотрела на него красивыми глазами с потекшей тушью.

У девушки худощавого телосложения были огромные испуганные глаза, курносый нос и длинные черные волосы, достающие ей до талии.

– Скажите, Ида, – спросил Линдеберг, – профессор сегодня откладывал у кассы книгу?

– Что, простите? – еле-слышно переспросила она.

– Профессор оставлял сегодня у кассы какую-то книгу? Ну, в смысле, говорил: пусть полежит здесь, никому не отдавайте, я ее точно куплю, а пока пойду посмотрю еще?

– Нет-нет, он так никогда не делал.

Купер не верил своим ушам. *Он же не мог поставить ее обратно.*

– Тогда еще один вопрос, – сказал Линдеберг. – Где тут

полки с Эленшлегером?

— Это стеллаж по левой стороне, вон там. — Она вытянула левую руку. — В самом конце, рядом с огнетушителем.

— Благодарю вас. — Следовательно перевел усталый взгляд на Купера. — Пойдем, вы быстрее меня отыщите интересное вас издание. Только, ради бога, ничего не трогайте руками.

На лице практикантки изобразилась смесь самых разных чувств.

— Да-да, конечно, — заверил Купер.

Датский поэт, чью немецкую фамилию Oehlenschläger мало кто из датчан способен написать правильно, но чьи слова они слышат под музыку каждый раз перед выступлением своей сборной по футболу, — поэт этот гордо занимал целые две полки внизу огромного книжного стеллажа.

Купер осмотрел один корешок Эленшлегера за другим несколько раз. В своем видео профессор повертел книгу, так что корешок с названием прекрасно запомнился. Для нижнего ряда Куперу пришлось даже приседать на корточки. Всё это время он боялся лишний раз выдохнуть и для надежности держал руки за спиной.

— Ну что я вам говорил! — Купер поднялся. — Это слишком ценная находка для историка литературы, чтобы вернуть ее на полку.

Линдеберг уже собрался было сделать очередную отметку.

— Ой... твою ж то мать... — Его шариковая ручка, высо-

чив, упала и закатилась под тумбу с книгами.

Точнее, это был стол, напоминающий вытянутую низкую тумбу, весь заваленный книгами. В магазинах одежды на нечто подобное обычно выкладывают джинсы и футболки. Старинная деревянная тумба стояла на довольно высоких ножках.

Выругавшись еще раз, Линдеберг лег на пол, чтобы достать из-под нее авторучку. Купер только сейчас заметил, что сбоку его жилетка словно немного вздута. *Кобура с пистолетом*, догадался он.

– А это еще что? – прокрихтел следователь.

Приподнявшись на локте, Линдеберг полез в карман жилетки за перчаткой и пакетиком для улик. Надев тонкую белую перчатку на правую руку, он аккуратно извлек из-под тумбы золотую цепочку.

Да тут еще и Мьёльнир!

Наклонившись, Купер с интересом всматривался в находку.

Следователь встал на ноги.

– Слетела с запястья, – заметил он, поправляя галстук. – Очень короткая цепочка. Еще и с фигуркой какой-то. Похоже на крестик.

Фигурка, и правда, напоминала христианский крест. Однако поперечная перекладина располагалась высоко вато для христианского символа, к тому же вверху он был заостренным.

– Крестик? – Купер усмехнулся. – Вообще-то это молот Тора. Согласно мифам викингов, бог Тор не расставался со своим волшебным молотом. У него даже есть название: Мьёльнир.

Следователь недоверчиво посмотрел на Купера.

– Это точно он?

– Конечно.

Линдеберг пометил в блокноте.

– А профессор носил такую цепочку?

– Нет. Точно нет. Я бы обратил внимание.

– Тогда пойдем!

Он зачем-то зашагал к выходу. Купер последовал за ним.

Девушки на этот раз сидели в удобных креслах, и продавщица рисовала на листе бумаги. Она вела себя непривычно спокойно. Видимо, действовали, наконец, таблетки, выданные врачами «Скорой».

Линдеберг поднес прозрачный пакет с найденной цепочкой поближе к ее лицу.

– Не ваша?

Ида взглянула, не вставая с кресла:

– Нет.

– Скажите, а когда в магазине последний раз делалась уборка?

– После закрытия. – Ида пожала плечами. – Как обычно. Вчера после закрытия я расставляла книги по местам, а наша уборщица наводила чистоту.

– Она мыла пол или хотя бы подметала под тумбами?

– Под чем?

– Ну, рядом с тем стеллажом, где Эленшлегер, там стоит на полу такая низкая вытянутая тумба, вся завалена книгами.

– А, поняла вас. Да, конечно. Влажная уборка под ними обязательна.

– А вы не замечали у уборщицы этой цепочки? Специалист вот утверждает, – Линдеберг кивнул на Купера, – что это молот Тора.

– Нет, не замечала. Но она вообще-то из эмигрантов с Ближнего Востока, ходит в мусульманском платке. Что-то сильно сомневаюсь, что она может быть любителем такой символики.

– Да уж, – согласился с ней Линдеберг. – Я тоже в этом сильно сомневаюсь.

* * *

Снаружи по-прежнему толпились зеваки и репортеры. И они ни за что на свете не позволили бы следователю спокойно выполнять свою рутинную работу – не дежурь возле входной двери полицейские.

Дальше всех, на расстоянии нескольких метров от остальных зевак, стояли двое мужчин.

Оба носили длинные бороды и длинные волосы. Одеты

они были при этом в самые обычные куртки и джинсы. Кроме необыкновенно длинной растительности на лице и на голове, странным было, пожалуй, только одно обстоятельство. Разница в возрасте. Младшему из них едва ли исполнилось восемнадцать, а старшему смело можно было дать за шестьдесят.

На правом запястье у старшего бородача виднелась золотая цепочка. По одной лишь этой детали становилось ясно, что парочка – отнюдь не бомжи, которых благотворительная организация только что нарядила в выстиранную одежду и они просто не успели еще поваляться в ней под забором.

На золотой цепочке болтался, едва заметный, молот Тора.

– Слишком поздно, – вздохнул обладатель цепочки. – Нам уже не вернуть твой Мьельнир.

– Думаете, они нашли? – В юном голосе еще звучала надежда.

– Если не нашли, то найдут. И нам этому не помешать.

– Что же со мной теперь сделает Жрец?

Его голос задрожал. *Я ведь выполнил задание. Исполнил волю богов!* Он мысленно находил оправдание своей оплошности.

Старший не ответил.

– Я даже не заметил, как она слетела с запястья. Может, всё-таки не в магазине? Может, мы еще найдем ее?

– Мы осмотрели уже каждый булыжник. – Сиплый голос не оставлял надежды. – Что произошло, то произошло. Тебе

нужно принять это, Мадс. На всё воля Судьбы.

Мадса такой ответ, кажется, утешил не сильно.

У него задергался глаз.

Небо над Копенгагеном тем временем стало ярко-красным из-за заходящего солнца. Казалось, что столицу вот-вот сожрет гигантский пожар.

Глава 3

Линдеберг и Купер стояли перед уже хорошо знакомым им книжным стеллажом, молча переминаясь с ноги на ногу. Первый пребывал в задумчивости, второй – в растерянности.

Они вернулись к стеллажу с Эленшлегером, как только следователь закончил опрос продавщицы по поводу обнаруженной улики. Если бы не Купер, он давно бы уже позабыл про этого нафталинового поэта с дурацкой фамилией. Но исчезновение сборника стихов почему-то не давало аспиранту покоя.

На этот раз за мужчинами увязался кот. Он сидел на полу возле огнетушителя, вылизывал хвост и изо всех сил делал вид, что ему нет до них никакого дела.

– Может быть, – спросил Линдеберг, – у нее просто корешок стёрся и вы не увидели названия?

– Да нет же, вы сами смотрели видео. Профессор повертел книгу в руках, так что корешок там прекрасно виден. Вот, взгляните.

Купер снова включил видео и поставил нужную секунду на паузу.

– И правда, – согласился Линдеберг. – Я раньше не обратил внимание.

Он теперь хорошо различал на экране коричневый коре-

шок, где чуть выше середины красовалась зеленая вставка. В этом зеленом квадрате золотистыми буквами, наклонным шрифтом, сверху было написано: «Адам», ниже: «Эленшлегер», еще ниже следовала черточка, а под ней заглавными буквами и всё тем же наклонным шрифтом: «СТИХИ». Под зеленой вставкой был изображен золотистый венок, в центре которого виднелась дата: «1803». Присутствовали еще какие-то фигуры и орнаменты, выше вставки и ниже венка, все они были выполнены золотистой краской, весьма удачно гармонируя с темно-коричневым фоном корешка.

– Ее на полках точно нет. – Купер выключил видео.

– Ну хорошо. А почему вы так, прошу прощения, зациклены на этой книге? Какая вообще разница, где она? Если бы она реально являлась какой-то сверхценной, то не пылилась бы в магазине старых книг, а выставлялась на одном из аукционов по цене не самого дешевого автомобиля. Разве не так?

Купер задумался.

– Как бы вам объяснить, – сказал он. – Это дебютный сборник Эленшлегера. Именно в нем содержится культовое для всего датского романтизма стихотворение «Золотые рога». Но, насколько я понимаю, бесценным для коллекционеров является другое издание, самое первое. Книга вышла в декабре 1802 года. То, что держал в руках Нильсен, уже из дополнительного тиража следующего года. Кстати, называть дебютный сборник поэта почему-то стали «1803», что

немного нелогично. – Купер пожевал губы. – Профессор сходу назвал бы вам точный тираж той допечатки. По-моему, напечатали на этот раз около полутысячи экземпляров. В общем, не такая уж и безумная редкость.

– Вот, а я вам о чем?

– Однако, – продолжил Купер, – экземпляр, который мы не можем сейчас отыскать, вероятно, когда-то хранился в личной библиотеке Андерсена. Что на порядки увеличивает его стоимость. Но и это не главное. Главное – что именно написал там Андерсен слева от титульного листа. Он упоминает в своей загадке Одрёрир, чашу богов с Мёдом поэзии! Это очень важно для филологической науки! Не хочу утомлять вас сейчас древнескандинавскими мифами и их преломлением в творчестве Андерсена. Профессор верно сказал на видео: об этом моя кандидатская диссертация. Уж поверьте, содержание надписи имеет огромную научную ценность!

Линдеберг всё это время делал краткие пометки в блокноте.

– «Мог храниться в библиотеке Андерсена», – пробубнил он, не отрывая глаз от записей. – «Тогда на порядки выше стоимость».

Он подумал и заметно оживился.

– Так-так. Вот это интересно.

Текст Андерсена его не впечатлил, с досадой констатировал Купер.

– Итак, – сказал следователь, – осталось уточнить хроно-

логию событий. Незадолго до 13:53 Нильсен натолкнулся на эту книгу. И сразу записал для вас видео. Он сам так говорит на нем. Время взято из вашего с профессором чата. Он записал видео возле... э-э-э... Можете еще раз включить? По заднему плану сверим, где именно он стоял.

Купер исполнил просьбу.

– Остановите-ка! – скомандовал Линдеберг, едва видео началось. – Отлично. Он стоял прямо здесь, лицом к стеллажу. Так же, как и мы. Видите, у нас за спиной, на одной из полок, белый бюст какого-то бородатого философа?

– Это Сократ.

– Так вот, он попал в кадр.

Купер присмотрелся и тоже заметил Сократа на экране айфона.

– Далее, – сказал Линдеберг. – Незадолго до этого Нильсен вернулся в магазин с ланча. Так сообщила продавщица. И больше не отлучался. Значит, телефон профессора должен был быть найден при нем. – Линдеберг нахмурился и, кашлянув, продолжил: – Профессор, скорее всего, носил книгу Эленшлегера в руках чуть более трех часов, до своей смерти, наступившей незадолго перед 17:15. Возможно, клал ее на свой рюкзак рядом, чтобы никто не взял, пока он смотрит другие книги. Наконец, он забрел в самый отдаленный закуток магазина, где полез на верхнюю полку за трактатом Киркегора «Или-или». В 17:15 посетители обнаружили там на полу его тело и подняли панику. Продавщица немедленно

позвонила в «Скорую». Те уже вызвали полицию. Кто-то сообщил журналистам. – Следователь потерял галстук. – Лицо, первым обнаружившее тело, пока не установлено. Продащица не может вспомнить, кто это был, а сам тот человек не стал дожидаться полиции.

– Утащить у покойника книгу и телефон?! – вырвалось у Купера. – Это же полный бред!

Следователь напряженно думал о чем-то.

– Ради антиквариата, – медленно произнес он, – людей вообще-то время от времени убивают.

Купер ничего не понимал.

– Смотрите, – сказал Линдеберг, – профессор мог отправить видео с находкой не только вам. Этот «кто-то еще» имел целых три часа, чтобы прийти в магазин, выждать удачный момент и столкнуть Нильсена со стремянки. Правда... в таком случае этот кто-то должен был знать, что видеонаблюдение сегодня не работает. Или же... Да! Так вероятнее. Он сумел каким-то образом отключить его. Наши техники еще выяснят все обстоятельства. Убив профессора, преступник схватил ценную книгу и телефон. Ведь при помощи телефона следствие бы легко установило, с кем Нильсен поделился информацией о находке.

– Но убить человека ради книги из библиотеки Андерсена?

– Затем... – Линдеберг проигнорировал вопрос. Глаза его азартно засверкали, как у охотничьего пса, почуявшего запах

добычи. – Затем убийца приложил палец профессора к телефону и разблокировал его. Перешел ближе к выходу из магазина, а как только начались крики и паника, незаметно вышел. В телефоне он копался еще несколько минут. Как минимум, в Телеграме проторчал до 17:19. Его интересовало, не отправлял ли профессор видео с книгой кому-нибудь еще.

И увидел, что мне.

– То нападение на вас! – воскликнул Линдеберг. – Да, разумеется. Скорее, скорее!

Они помчались к выходу.

– Кристина! – крикнул он еще издалека напарнице. – Бегом в начало Фиолстреле! Там есть кафе. – Следовательно бросил взгляд на Купера. – Вас ведь возле кафе повалили на мостовую?

– Да. Из него выбежали две бабульки. Хотели помочь.

– Бабульки? Расскажите нам всё в двух словах. Время очень дорого.

– Э-э-э. Да почти нечего рассказывать. Был толчок в спину, я упал лицом вниз. Кто-то уселся сверху. Но тут же слез. Я поднялся, и тогда из кафе выбежали две пенсионерки. Э-э-э. Да, они сказали, что нападавшего спугнул какой-то прохожий. Кажется, всё. У меня из карманов ничего не украли.

– Отлично. Возможно пенсионерки еще там! Кристина, опросите всех посетителей кафе. Важны любые детали. Как выглядел нападавший? Во что был одет? Какого роста? Проверьте, нет ли возле кафе камер наружного наблюдения. В

общем, всё, как вас учили в Школе полиции.

– Поняла. – Практикантка уже стояла в куртке и, сказав это, проворно исчезла в дверях.

Линдеберг повернулся к продавщице.

– Ида, – сказал он, – вы сделали то, о чем я вас с самого начала просил?

Продавщица протянула следователю листок бумаги.

– Я очень рассеянная, мало кого смогла вспомнить. Но что-то, конечно, нарисовала.

Линдеберг, обрадовавшись, принялся изучать рисунок. Затем сказал:

– Вы могли бы показать, где именно ходили эти посетители?

Ида поднялась с кресла.

Оказалось, что она чуть выше Линдеберга. Однако всё же не достигала по росту до американца. При этом у девушки была красивая фигура: ее ногам позавидовала бы любая фотомодель. Но Куперу она показалась слишком уж худой.

Зачем работать продавщицей? спросил он себя. *В модельном бизнесе же любят таких?*

Линдеберг вскоре понял, что толку от показаний Иды мало. Девушка вовсе не кокетничала, говоря про свою рассеянность. Если существуют на свете люди с феноменальной памятью, то почему бы не существовать и их полным противоположностям? Ида явно относилась к ним.

Когда так прошли целых десять минут, Купер уже открыл

было рот, чтобы спросить: он еще чем-нибудь полезен для следствия? Или можно идти?

И вдруг у Линдеберга зазвонил телефон.

– Слушаю, Кристина. Быстро же вы... Что?.. Правда?.. Так и сказал?.. Он уверен?.. Странно... Очень странно... Да, я понял... Спасибо, что сразу позвонили. Продолжайте опрос остальных.

Линдеберг отключился.

– Это напарница, – повернулся он к Куперу. – Уже нашла нового свидетеля. В общем, на вас напал человек со шприцем в руке. Воткнул его вам в шею.

– Что?! – Купер побледнел.

Он принялся в ужасе ощупывать шею сзади.

– Давайте лучше я взгляну. – Линдеберг подошел поближе.

Пятно на воротнике моего пальто.

Та странная жидкость без запаха.

Так вот в чем дело! Он промахнулся из-за окрика прохожего, и яд вошел в толстый шерстяной воротник.

Глава 4

Солнце уже село, и Копенгаген погрузился в сумерки. В окнах домов начал зажигаться свет. Однако витрины магазинов и уличные фонари пребывали во мраке, словно ожидая чьей-то команды.

Двое бородатых и длинноволосых мужчин всё ещё стояли неподалёку от входа в магазин антикварных книг и молча наблюдали за происходящим.

Десять минут назад они заметили, что входная дверь открылась и из нее, приподняв полицейскую ленту, вышла какая-то девушка в штатском. Она энергично зашагала по Фиолстредле налево, в сторону метро Нёррепорт. Полицейские, скользящие у входа, задумчивым взглядом проводили ее красивый зад в строгих классических брюках. Репортеры бросились к девушке в надежде получить какие-нибудь комментарии. Но были молча и решительно отстранены рукой.

За прошедшие десять минут ничего нового возле входа в магазин так и не произошло. Однако толпа зевак не рассеивалась. Кто-то уходил, но постоянно подходили новые прохожие.

Как же я мог потерять Мьельнир? не переставал сокрушаться Мадс. *Так подвести Жреца!*

От присутствия поблизости полицейских ему было не по себе.

Что если меня узнают?

После эпизода, произошедшего два года назад, полиция наверняка разыскивает его по всей Дании.

Впрочем, *Отец*, стоящий сейчас рядом с Мадсом, убедил его, что беспокоиться не о чем. Кто сможет узнать его с такой бородой? Да и с длинными волосами? Ведь с полицейских ориентировок, если они еще где-то и висят, по-прежнему глядит шестнадцатилетний паренек с обычной короткой стрижкой и без растительности на лице.

...Тот самый паренек, каким *Отец* впервые увидел его два года назад, теплым августовским вечером, на лужайке возле своего частного дома в Роскилле – древнем городке на берегу фьорда в двадцати минутах езды от Копенгагена. Мадс тогда лежал без сознания с простреленной ногой. Его последних сил хватило на то, чтобы перелезть через забор. Это было сразу понятно по кровавому следу, протянувшемуся по траве и по доскам высокой ограды.

Из кармана шорт у незнакомого паренька выглядывала рукоятка пистолета. На непрошенном госте была футболка с короткими рукавами, и на венах на сгибе обеих рук буквально не было живого места. Синие пятна выдавали наркомана, жить которому в любом случае оставалось недолго.

Хозяин дома быстро принял решение. Он не стал звонить ни в полицию, ни в «Скорую». Перевязав рану на ноге полотенцем, он набрал номер местного ветеринара – обладателя такой же точно золотой цепочки с молотом Тора, что и он

сам. Рабочий день был уже давно позади, и ветеринар примчал на автомобиле в считанные минуты.

– Боги милостивые! – опешил врач. – Он потерял много крови! Может понадобится переливание. Ты почему не вызвал «Скорую»?

– На всё воля Судьбы, – прозвучал уклончивый ответ. К счастью, пуля прошла навылет и не задела кость.

Мадс к приезду врача уже лежал на кровати в сознании. Ветеринар вколол ему обезболивающее и зашил рану.

...И вот сейчас, по прошествии двух лет, Мадса действительно трудно было узнать. Он сумел слезть с иглы, хотя произошло это далеко не сразу. И вместо исхудавшего паренька с ввалившимися глазами сейчас рядом с *Отцом*, неподалеку от входа в магазин антикварных книг, стоял в меру упитанный молодой человек со здоровым румянцем на щеках. Светлая борода его была, правда, довольно жиденькой, но виной тому был слишком еще юный возраст.

Человек, которого Мадс считал теперь своим отцом, по паспорту был Хенрик Сёренсен. Он дорабатывал оставшийся до пенсии год водителем копенгагенского автобуса. В своем доме в Роскилле вот уже как четыре года, после смерти жены от рака, Хенрик был вынужден жить без семьи. Сын давно-давно выучился на программиста и эмигрировал в Канаду, где пустил корни. Поэтому, когда Мадс – оправившись после ранения – согласился остаться жить у своего спасителя, тот невероятно обрадовался.

Кроме Хенрика и ветеринара, в Роскилле жил еще один обладатель цепочки с Мьельниром: владелец клининговой фирмы. Мадса, в виде исключения, устроили туда мойщиком окон без каких-либо официальных бумаг, а всю зарплату выдавали наличными.

Он исчез для полиции.

Исчез для датского государства.

Впрочем, всё это произошло после. А сначала Мадсу предстояло серьезно побороться за свою жизнь. Как сразу предупредил врач-ветеринар, организм найденного паренька настолько истощен из-за наркотиков, что шансы восстановиться от пулевого ранения минимальны. И если он умрет, то врач не собирается помогать Хенрику избавляться от тела! Пусть даже не думает впутывать его в это!

Но Хенрик почему-то не допускал такой мысли.

Он взял на работе срочный отпуск за свой счет и целыми днями молился, не отходя от больного ни на шаг.

– Это молот Тора, – объяснил Хенрик, когда Мадс однажды приподнялся на кровати и слабым голосом спросил, зачем тут на стене огромный металлический крест. – Христианская церковь позаимствовала этот древний символ. Превратила его в свой крест. Ты ведь слышал в школе про Тора и его молот?

– Ну, слышал, конечно, не дурак.

На самом деле в школе Мадс не появлялся уже очень-очень давно. А про молот Тора знал только то, что это мо-

лоток какого-то персонажа из голливудских фантастических фильмов.

– Жрецы викингов никогда не открывали Истину непосвященным. – Хенрик был рад, что паренек сам завел разговор о Мьёльнире. – Они рассказывали обычным людям, что Тор ходит на восток в страну великанов и убивает их там своим молотом. Делает это время от времени, чтобы великаны не расплодились и не пришли к людям, не помешали им жить. Такая вот милая сказка для детей. Но это был лишь слабый отголосок Истины. Версия для непосвященных.

– А что, вы знаете версию для посвященных?

– Для начала скажу тебе одно, Мадс. Жрецы не были дурачками, верящими в наивные сказки. Они верили в Единого Бога, Творца мироздания, Любящего Небесного Отца, а его различные аспекты объясняли при помощи образов Тора, Одина, Локи и других богов. Простонародью так было понятней.

Мадс слушал с интересом.

Это была первая, но далеко не последняя его беседа с Хенриком на данную тему.

Как только Мадс смог ходить, они стали каждый вечер прогуливаться вдвоем до берега фьорда, разговаривая о древних скандинавских богах. Хенрик терпеливо разжевывал, что все эти боги представляют собой лишь «эманации»: проявления Всевышнего, доступные для обычного человеческого сознания. И надо же было такому случиться, чтобы

вся эта история приключилась с Мадсом именно в Роскилле! Ведь именно здесь, на берегу прекрасного фьорда, где они прогуливались вдвоем каждый вечер, располагается одно из самых культовых мест у любителей викингов и их культуры. Со всего мира сюда каждый год приезжают толпы туристов, чтобы посмотреть на пять кораблей викингов, поднятых со дна фьорда в 1960-х годах. Специальный выставочный павильон был сооружен прямо на берегу, а рядом с ним ценители исторических реконструкций почти круглый год, когда позволяет погода, отчаливают от причала на точно воссозданных копиях, чтобы походить под парусом по волнам фьорда. Лучшее место для вечерних бесед о древних скандинавских богах сложно было и придумать.

Мадс прошел обряд посвящения минувшим декабрем, в день зимнего солнцестояния. И наконец-то получил золотую цепочку с Мьельниром. Таковую же точно, как у *Отца*.

Он был счастлив. Пожалуй, впервые в своей жизни.

У него впервые появилась *Семья*.

Беспокойство вызывала лишь необходимость не попадаться на глаза государству. Как долго он сможет жить в подполье? Неужели всю свою жизнь? Забудется ли когда-нибудь то, что он совершил? Ведь он стрелял в полицейского, и тот, скорее всего, умер.

Однако и здесь Судьба, похоже, решила улыбнуться Мадсу.

Последние пару недель в общине ходили удивительные

слухи. Будто бы вот-вот обнаружится какая-то древняя *Чаша* и это событие станет предзнаменованием скорого Конца Света. Тот самый Рагнарёк, или Гибель богов, – да-да, тот самый Апокалипсис, о котором написано в древних священных книгах, – он может произойти уже в этом году!

Мадсу объяснили, что бояться тут совершенно нечего. Наоборот. Погибнет всё нечестивое человечество, не принимающее Истину. Именно в этом смысле произойдет «Гибель богов». Ведь боги существуют лишь в сознании людей, вместе с ними они и погибнут. Однако обладатели золотой цепочки с Мьёльниром благополучно переживут грядущую Катастрофу. Они-то, в отличие от непосвященных, приняли Истину в свое сердце! И в день Рагнарёка, в тот самый час Апокалипсиса, Всевышний окончательно откроется им всем, преобразив их сознание. «Оболочки» в виде Тора, Одина, Локки и других богов Всевышнему больше не будут нужны. И Мадс, равно как и другие Избранные, в тот день узрит Его своим преображенным сознанием.

Но что за *Чаша* должна была вот-вот явиться миру?

Это знал, по-видимому, только Жрец.

По крайней мере, из слухов об этом ничего не было ясно.

...Перед входом в магазин антикварных книг на Фиолстреде вновь началось какое-то движение. Оно отвлекло Мадса от воспоминаний. Входная дверь открылась, и из нее, приподняв полицейскую ленту, вышел молодой человек с портфелем через плечо и с чемоданом на колесиках.

Опять этот турист!

На молодом человеке была надета кожаная куртка, явно не по размеру. Она висела словно мешок.

На нем же было пальто? удивился Мадс. *Модное такое. С широченными плечами, узкой талией, высоким поднятым воротником.*

Следом за молодым человеком из магазина появилась высокая и худая девушка с длинными черными волосами. Поверх теплого свитера на ней была накинута джинсовка.

Наконец, третьим вышел мужчина лет тридцати пяти в жилетке и с полицейским жетоном на поясе, который раньше уже выходил покурить на ступеньках. Он что-то сказал одному из двух полицейских в форме, дежуривших у входа, и тот, кивнув, отправился сопровождать молодых людей. И очень кстати – репортеры уже подбежали к ним с вытянутыми микрофонами и видеокамерами. Полицейский уверенно отбил атаку, и все трое быстро зашагали в направлении Нёр-репорта.

Сам мужчина в жилетке остался у входа покурить. Он, кажется, уже собрался было перекинуться парой слов со вторым полицейским в форме, но передумал.

К магазину прибыла команда криминалистов в белых «скафандрах».

Глава 5

Купер был уверен, что выглядит нелепо. Ему казалось, что все прохожие только и делают, что пялятся на безвкусно одетого молодого человека.

Линдеберг забрал пальто на экспертизу. Кто знает, может быть, по составу вещества на воротнике удастся выйти на след убийцы профессора? За ту неделю, что Купер собирался пробыть в Копенгагене, пальто ему обязательно вернут – так пообещал Линдеберг. Но более точных сроков окончания экспертизы назвать, к сожалению, не смог. Зато он любезно предложил Куперу свою кожаную куртку. Сам он, по его словам, поедет домой на автомобиле, который припаркован неподалеку, поэтому стесняться и отказываться не следует. Вот только подвезти не сможет, так как нужно еще поработать на месте преступления вместе с криминалистами. А куртку Купер вернет, когда зайдет в полицию за своим пальто.

– Хорошего вам дня! – сказал сопровождавший Купера с Идой полицейский.

Репортеры их больше не преследовали.

Полицейский, развернувшись, зашагал обратно к магазину.

Молодые люди стояли теперь одни у Coffee Industry, возле которого на Купера было совершено нападение. Ему стало

немного не по себе.

Что если опять?

Впрочем, Линдеберг уверял, что беспокоиться незачем. Круглосуточная защита предоставляется полицией только в тех случаях, когда имеются весомые основания. Предполагаемый убийца профессора напал на Купера разве что для того, чтобы не дать информации распространиться. Чтобы никто не узнал, что была обнаружена книга из личной коллекции великого сказочника Андерсена, да еще и с его автографом. Ведь эта информация является ключом к мотиву убийства. Однако теперь, когда Купер пообщался с полицией, предполагаемый убийца наверняка потерял к нему всякий интерес.

– Ты пиццу будешь? – спросила Ида. – Есть тут одна пиццерия по пути.

– Что? – Он пребывал где-то глубоко в своих мыслях. – А, да... отлично, давай!

Вопрос с жильем был улажен еще в магазине, как и вопрос с курткой.

Конечно, ехать в дом покойного и жить там с его вдовой, которую он к тому же едва ли знал, было бы странновато. Услышав, что Купер завел со следователем речь о гостиницах, Ида предложила другой вариант. Вместе со своими друзьями-студентами она арендовала многокомнатную квартиру буквально в двадцати минутах пешком. И там сейчас пустовала комната. Зачем тратить бешеные деньги на гости-

ницу, когда можно отдать какую-то часть им и жить целую неделю в самом центре?

Это был один из тех самых *kollektiv*, про которые Купер столько раз слышал. Своеобразный отголосок датских коммун эпохи хиппи. И очень популярная форма совместной аренды жилья среди современных студентов Копенгагена. Да, для подселения к «коллективу» нового члена требуется одобрение кандидатуры всеми его участниками. Однако Ида была уверена, что раз речь об одной неделе, то проблем с этим не возникнет.

Купер сразу же уточнил две вещи. Точно ли у него будет своя комната, которая не станет проходным двором? И точно ли ему не придется в эту неделю готовить на всех на кухне и делать за всех уборку? Он был наслышан о такой особенности «коллективов». Получив ответ «точно» по обоим пунктам, Купер с облегчением вздохнул, спросил про стоимость и согласился.

...После кафе, возле которого их покинул полицейский, они повернули налево и прогулялись вдоль домов, выходящих на пешеходную площадь, до самого ее конца. Затем пересекли узенькую улочку Нёррегаде и почти сразу уперлись в расположенный под острым углом к ней проспект Нёрре Вольдгаде.

Вход в пиццерию находился на углу.

Внутри, несмотря на вечер, было немногочленно. Устроившись поудобнее, они изучили меню и решили заказать од-

ну большую пеперони на тонком тесте на двоих.

Куперу довольно быстро принесли капучино, а Иде зелёный чай.

– Это твой кот в книжном хозяйничает? – поинтересовался Купер, отхлебнув кофе. – Черный такой, ему еще на фитнес давно пора абонемент купить.

Ида улыбнулась.

– Его зовут Портос. Подобрала на улице. Ну, сначала у меня жил, а потом владелец магазина предложил там его поселить. Я рассказала как-то про своего толстого кота, вот он и придумал такое. Как оказалось, посетители очень хорошо реагируют, создаёт уютную домашнюю атмосферу. Продажи даже заметно вверх пошли.

– У вас тут, я смотрю, бездомные коты неплохо питаются.

– В смысле? А, нет. Он же «Портосом» позднее стал. Когда подобрала, был кожа да кости. Почти как я. – Ида засмеялась, обнажив белые зубы. – Наверно, всё никак не может поверить, что на улице уже не окажется. Ест как не в себя.

– Ясно, – сказал Купер. – Но ты всё же с ветеринаром поговори. У меня один из мейн-кунов тоже повадился обжираться. Так я ему специальную «умную кормушку» купил. Хочешь достать еду – будь добр поработать мозгами и лапами.

– У тебя несколько мейн-кунов?!

– Двое. Второй не такой обжора. Но зато любитель в пять утра носиться по квартире как ненормальный. С этой про-

блемой пока не придумал, что делать.

Ида, улыбнувшись, кивнула:

– Я подумаю об умной кормушке. Спасибо.

Оба минуту-другую пили напитки молча. Они сидели каждый на своем диванчике, напротив друг друга. Купер украдкой разглядывал ее лицо. Он всё никак не мог понять, какого цвета у нее глаза. В магазине ему показалось, что они светло-карие, но в этой забегаловке, при довольно ярком освещении, выглядели зелеными. *Болотного цвета*, решил он.

Рядом с Идой на диванчике валялась ее джинсовка. Чемодан Купера был прислонен к столу сбоку и немного мешал проходу других посетителей. Портфель стоял на диване рядом с самим Купером. Там же лежала аккуратно свернутая кожаная куртка.

– Забавно, кстати... – Ида взглянула на куртку. – Этот следователь – вылитый Дэниел Крейг в молодости. Ты обратил внимание?

– Крейг? Это который Джеймс Бонд? Ну, не знаю. Что-то есть, возможно. Актеру сейчас уже лет пятьдесят?

– Пятьдесят пять.

– Ну, если двадцатку скинуть...

– Да копия просто!

– Забавно, да. – Купер отпил еще кофе. – Странно только, что «Бонд» этот совершенно не заинтересовался Андерсеном.

– Что?

– Ну, следователя совершенно не заинтересовала загадка Андерсена. Мне казалось, что уж кто-кто, а следователи точно обожают всякие загадки. Разве не так?

– Ты о чем сейчас? – Ида уставилась на Купера. – Какая еще загадка?

И тут только он сообразил, что девушка не слышала абсолютно ничего из их с Линдебергом разговоров о книге. Ведь сначала они общались в служебном помещении, закрыв за собой дверь, а потом ушли довольно далеко от Иды, к стеллажу с Элленшлегером.

– Давай покажу, – сказал Купер и полез за айфоном. – Хорошо, что телефон не забрал вместе с пальто, Джеймс Бонд этот. Я просто переслал ему видео. Глянь!

И вот уже который раз за день он слушал, как Нильсен, еще живой, с восторгом делится новостью об обнаружении в книге загадочной надписи.

Вдруг Купер понял, что его глаза стали влажными.

– Прости, – еле-выговорил он. – Я на секунду.

Выключив видео, он молнией вылетел в туалет, едва не опрокинув на ходу какой-то стул. Посетители и официанты проводили молодого человека испуганным взглядом.

Нильсен умер. К Куперу только сейчас, шаг за шагом, начинало приходить подлинное осознание того, что он больше никогда не услышит его шуток, не увидит смешного ежика из седых волос. Последние пара часов, после прочтения в

аэропорту того сообщения из группы конференции, прошли будто в каком-то отупляющем сне. И вот, разум Купера, наконец, возвращался в суровую реальность.

В туалете Куперу потребовалось не меньше пяти минут, чтобы прийти в себя. Когда он вернулся за столик, Ида, по-видимому, уже сама обо всём догадалась. Она лишь спросила:

– Всё в порядке?

– Да, – соврал он. – Не бери в голову. Так на чем мы остановились?

Как и раньше с Линдебергом, Купер поставил видео на паузу в нужном месте, чтобы Ида смогла прочитать вышедший из-под пера Андерсена текст.

...Она поперхнулась чаем.

– Это правда Ханс Кристиан Андерсен написал?!

Ее и без того большие глаза стали совсем огромными. Теперь ее лицо напоминало лицо ребенка.

– Скорее всего, да, – пожал плечами Купер. – Почерк его.

– А откуда ты знаешь... – Иде помешал кашель, – какой у него был почерк?

– Пишу кандидатскую по Андерсену. Сейчас первый год аспирантуры заканчивается, в университете в Нью-Йорке. Уж поверь, я способен отличить его почерк от других.

– Ничего себе.

Она откашлилась.

Затем, наклонившись, внимательно прочитала текст еще

раз.

– А что за Чаша Одрёрир? Кажется, впервые слышу.

– Ну, это из мифов. В «Старшей Эдде» про нее кое-что есть. И в «Младшей Эдде» тоже. Эти средневековые тексты теперь мало кто читает, понятное дело.

– «Старшую» я читала недавно! – возразила Ида. – В переводе на современный датский. Но вот про Одрёрир что-то не припомню.

– Да ладно?! Ты читала «Старшую Эдду»?

Ида почему-то покраснела.

– А что тут такого? Я учусь на историка искусства. Мы как раз недавно проходили ее в курсе по искусству эпохи викингов. Странно, скорее, что ты ее читал. Ты же по Андерсену пишешь?

– «Эдду» я в оригинале читал, – похвастался Купер. – И ту, и другую. Диссертация у меня вообще-то про то, как Андерсен использовал образы и сюжеты из мифологии викингов. Вот, например, в сказке...

Купер не договорил.

Официантка принесла им большую пеперони на двоих, и какое-то время молодые люди молча жевали, каждый думая о чем-то о своем. Перед тем, как убрать телефон обратно в карман, Купер на всякий случай сделал скриншот стоящего на паузе видео.

Затянувшееся молчание нарушила Ида:

– Так что там за «Орёлир» в загадке?

– Одрёрир, – поправил ее Купер. – Это один из трех сосудов, в которых у богов хранился Мёд поэзии. Самый большой из трех.

– Мёд поэзии?

– Да. Если его выпить, то любой смертный станет, как бы сейчас сказали, «гениальным автором». Хотя, – Купер многозначительно поднял указательный палец вверх, из-за чего стал похож на преподавателя, – иногда в мифах говорится о Мёде мудрости, а не поэзии. В «Младшей Эдде» вообще компромиссная версия: кто вкусит этот Мёд, тот станет божественным поэтом или ученым. Но обычно всё-таки Мёд поэзии.

– В трех сосудах?

– Ну да. Просто Одрёрир – самый большой. В мифах это, строго говоря, котёл. Андерсен поэтически называет «Чашей», но это не совсем корректно.

– Вы посмотрите-ка, лучше Андерсена разбирается! – улыбнулась Ида.

– Вот два других сосуда – это действительно чаши. У них тоже есть названия...

Купер открыл портфель и извлек из папки чистый лист бумаги.

– Вот, так их писали.

Из-под шариковой ручки, которой водил Купер, на листе появилась три слова:

Óðrørir, Són, Boðn.

– Точное произношение, – окончательно увлекся Купер, – никто теперь не знает. Но ð, наверно, звучало как английское th в слове with. «О» с черточкой сверху – это долгое «о». А перечеркнутое «о» – это...

– Ну хватит! – засмеялась Ида, не дав договорить. – Зачем мне такие тонкости? Я же не на лекции по языкознанию. Ты лучше скажи, слово Одрёрир что-нибудь значит?

Купер смутился.

Чёрт, она решила, что я зануда.

– Конечно, – сказал он. – Одрёрир означает «то, что приводит дух в движение». Котёл даровал любому смертному вдохновение.

– Вот, совсем другое дело!

– И любопытно, что Андерсен пишет в 1875 году, что выпил из Одрёрира сорок лет назад. *«Сорок лет убежали с тех пор»*. Получаем 1835 год. Именно тогда он опубликовал свой первый сборник сказок. Они мгновенно превратили тридцатилетнего Андерсена в знаменитость. Хотя до этого бедняга половину жизни всё сочинял что-то и сочинял, но без особого успеха.

– Я слышала даже, что поначалу никто не верил, что и у этого сборника будет успех. Это так?

– Почти. Единственным, кто сразу разглядел гениальность рукописи, был его друг Эрстед.

– Тот самый? – не поверила Ида. – В смысле, который ученый?

– Он самый. Первооткрыватель электромагнетизма. И, что забавно, полный тёзка Андерсена: Ханс Кристиан Эрстед. Они очень дружили, хотя Эрстед и был намного старше. К тому времени он уже являлся мировой знаменитостью.

– Выходит, гений понял гения?

– Выходит, что так. – Купер пожал плечами. – Все, кому Андерсен показывал рукопись, говорили ему: кто так пишет сказки? На кого они рассчитаны? Кто их будет читать или слушать? Для детей эти истории не совсем детские. А если рассчитано на взрослых, то недостаточно взрослые. Ни то, ни сё! Никто такое не купит! И только Эрстед, взглянув, сказал: дружище, эти сказки сделают тебя бессмертным. По крайней мере, так следует из всех биографий.

Ида о чем-то задумалась Оба молча уплетали пеперони, один аппетитный кусок за другим.

И вдруг ее болотные глаза впились в Купера.

– А давай, – предложила она, – мы с тобой разыщем Одрёрир?

Купер чуть не подавился пищей.

– ...чем бы эта «Чаша», – уточнила она, – ни оказалась в реальности.

– В реальности?! Да это же просто художественное произведение!

– Откуда ты знаешь? Андерсен разве писал в этом жанре?

– Ну... – Он с опаской смотрел на Иду. *Что они там вообще курят в своих «квартирах-коллективах»?* – Насколько

мне известно, это первое его произведение в жанре загадки. Скажем так, из обнаруженных на сей день.

– Вот видишь.

– Не пойму. Ты что, всерьез веришь, что сосуд с Мёдом поэзии существовал в реальности?

Купер не удержался и засмеялся.

Ида густо покраснела.

– Конечно же, – возмутилась она, – я не верю, что котёл с Мёдом поэзии, о котором говорится в Эддах, существовал в реальности. Но при чем тут это? Ты путаешь разные вещи! – Ида, рассердившись, подыскивала нужные слова. – Андерсен разве не мог написать о каком-то реальном кубке... возможно, даже очень древнем... при этом метафорически называя его Одрёриром?

– Метафорически?

– Ну да.

– Э-э-э. Чисто умозрительно такой вариант, конечно, не исключен.

– А кроме того, – торжествовала она, – тебе ли не понимать, что Андерсен и сам не верил в Одрёрир из языческих мифов? Он ведь был глубоко верующим христианином!

– Это-то понятно, – примирительно кивнул Купер. – Про христианство Андерсена всем биографам хорошо известно.

Он на секунду задумался. И добавил:

– Кстати! Ведь Андерсен и тут использует библейскую символику. Я уже наизусть выучил: *«У церкви жил некто –*

там Мастера творенья. И спрятал он Чашу у замка, где тот оберег от дьявола создал». И церковь тут, и дьявол.

Ида отхлебнула чаю.

– Эх, – вздохнула она, – вот бы вычислить этого «некто»!
Тогда мы легко установим церковь, возле которой он жил.
Это проще простого! Затем определим «Мастера». По его «твореньям», то есть произведениям искусства, в этой самой церкви. И затем мы...

– По «твореньям»? – перебил Купер. – Ты это серьезно?

– Конечно. А в чем проблема? Я же историк искусства.
Пускай еще только учусь.

– А, ты говорила.

– И затем, – она воодушевлялась она всё больше и больше, – мы поймем, что за «оберег от дьявола» он создал в каком-то там замке. Останется только съездить туда с лопатой и отмерить шаги от северного угла!

– «От южного угла в ста шагах», – поправил Купер.

– Ну, не суть.

– Э-э-э, – протянул Купер. – Ну и как мы вычислим «некто», жившего возле церкви?

Ида призадумалась.

Затем ответила вопросом на вопрос:

– Может, его имя зашифровано в конце загадки?

Купер молча смотрел на нее.

– Там, где про Русалочку, – пояснила она. – Тогда это по твоей части. Ты же у нас специалист по сказкам Андерсена!

А что там конкретно написано в конце?

Купер достал айфон, не желая излишне полагаться на свою память.

В конце скриншота с загадкой говорилось:

*Найди одного, двух и двух, четверых, одного, первых двух,
Восьмерых – из которых Русалочка всех прекрасней!*

Глава 6

В кабине «Фольксвагена» сразу несколько хриплых негритянских голосов распевали *Go, Tell it on the Mountain*. Радио магнитолы было настроено то ли на блюзовый, то ли на джазовый канал. Часы на панели показывали 20:44.

Серебристый «Фольксваген» с Йенсом Линдебергом за рулем свернул на Бульвар Андерсена. Он понесся по центральной городской магистрали по направлению к городским районам, расположенным на острове Амагер.

Сам Линдеберг жил с подругой в другом конце Копенгагена. Но спешил он не к себе домой. У одноклассника, коллеги по службе и лучшего друга – Ларса – сегодня был день рождения. Ему исполнилось тридцать пять.

Как и перед прошлым днем рождения, Линдеберг долго ломал голову над тем, какой подарок для него выбрать. Раньше такой проблемы никогда не возникало. Но что можно подарить человеку, который вот уже два года прикован к инвалидному креслу и обречен остаться таким всю жизнь?

По моей вине.

После выписки Ларса из больницы его взяли к себе родители. Как и Линдеберг, он не был официально женат. Узнав про инвалидность, девушка сразу же его бросила. Пуля вошла в позвоночник, и, как объяснили врачи, он навсегда останется парализованным. Мама Ларса, посоветовавшись с

мужем, приняла решение уйти с работы для ухода за сыном-инвалидом.

Красиво упакованный подарок лежал на заднем сидении «Фольксвагена».

Зачем же я тогда вмешался? Второй год подряд эта мысль сводила Линдеберга с ума.

Если бы не я, ублюдок не выстрелил бы в Ларса.

Малолетку, стрелявшего в друга, до сих пор не нашли. После того летнего вечера он словно сквозь землю провалился.

Линдеберг видел, что ранил парнишку выстрелом в ногу, когда тот бросился наутек. Но догонять – даже раненного – просто не было возможности. Пришлось оставаться с Ларсом, оказывая первую помощь и дожидаясь прибытия «Скорой».

Малолетнего наркокурьера, согласно полицейской базе, звали Мадс Есперсен. Тогда ему было всего лишь шестнадцать. Где он сейчас, что с ним и жив ли он вообще – этого не знал ни Линдеберг, ни всесильное датское государство.

Затрезвонил мобильный, лежащий на пассажирском сидении. Линдеберг с опаской глянул, кто звонит.

Черт бы тебя побрал! Это была шеф.

Он выключил радио и поставил на громкую связь.

– Да, слушаю.

– Йенс, ты сейчас где?

– Еду по Бульвару Андерсена на Амагер. Скоро уже мост.

А в чем дело? Я же обо всём тебе доложил.

– Разворачивайся до моста. Найдено новое тело.

– Что?!

– Ученица частной гимназии. Это на северо-западной окраине муниципалитета, там кварталы с элитными коттеджами.

– Но... я ведь... ты пойми, я еду к Ларсу.

– Я уже навела справки: профессор Нильсен вел у ее класса занятия. Оба дела могут быть связаны.

Линдеберг не верил своим ушам.

– Этого еще не хватало. А как ее убили?

– Тело обнаружено на Уттерслевских болотах, – ответила шеф. – Прямо у воды. Никаких видимых признаков насильственной смерти нет. Ее велосипед валялся рядом. Там неподалеку проходит велосипедная дорожка – вокруг болот шикарный парк. Нельзя исключить, конечно, что у девушки были какие-то проблемы со здоровьем и ей внезапно стало плохо. Но зачем бы она побрела через густые заросли на заболоченный берег? Да еще и потащила с собой велосипед! Ты говорил, что на этого твоего американского аспиранта было совершено нападение со шприцем, так?

– Да, верно.

– Поэтому отправляйся туда немедленно. Ей могли вколоть яд. И затем оттащить тело и велосипед подальше от дорожки. Криминалисты придут позже, пока что там дежурит наряд полиции.

– Понял. А где именно на болотах?

– Западное из трех Уттерслевских болот. Ты сейчас на Бульваре Андерена, подъезжаешь к мосту?

– Уже разворачиваюсь.

– Отлично. Тело обнаружено на северном берегу болота, примерно посередине.

– Понял, еду. Ты Ларса-то поздравила?

– Сейчас позвоню.

– Давай. Скажешь, что я сильно задерживаюсь, хорошо? У меня тут подарок на заднем сидении.

– Хорошо. До связи!

– Давай, до связи.

Линдеберг отключил звонок.

Профессор Нильсен вел у нее занятия?

И убийца вколол ей яд? Так же, как собирался вколоть яд американскому аспиранту?

Линдеберг пока ничего не знал про время наступления ее смерти. Из-за этого выстраивать картину событий, пускай даже гипотетическую, было преждевременно.

Возможно, убийца после неудавшегося покушения на американца поспешил на северо-западную окраину и вколол остатки жидкости в несчастную девушку? Или же наоборот? Сначала убил ее, а потом поехал в центр города, где у него произошла осечка? Тело девушки могло пролежать на заброшенном берегу и не быть никем обнаружено довольно много часов.

А почему он, собственно, сбросил профессора со стре-

мянки? Почему было не сделать укол и ему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.